

смог избежать обращения в свое время к синергетическому пониманию языка (Алефиренко 2002). Ведь сложность и нетривиальность познания подобных объектов и процессов обусловлены тем, что возникновение виртуальной реальности, как правило, спонтанно, как появление вдруг в результате малейших изменений в состоянии хаоса.

Работы же Н.Ф. Алефиренко ценны именно тем, что они показывают новому поколению отечественных исследователей языка возможность преодоления хаоса его познания.

#### **Литература**

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. 394 с.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005а. 412 с.

Вдовиченко, А.В. Расставание с языком. Критическая ретроспектива лингвистического знания. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 512 с.

Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / под ред. И.Т. Касавина. – М.: Политиздат, 1990. 464 с.

Парадигмы научного знания в современной лингвистике / под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: ИНИОН РАН, 2008. 184 с.

Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Руднев, В.П. Диалог с безумием. – М.: Аграф, 2005. 320 с.

Сублогический анализ языка: Юбилейный сборник научных трудов / под ред. В.Н. Базылева. – М.: Изд-во СГУ, 2011. 397 с.

Харченко, В.К. Белые пятна на карте современной лингвистики. – М.: Литинститут им. Горького, 2008. 168 с.

**Summary.** The article is devoted to the ideas of the language in modern Russian linguistics and to the contribution of N. Alefirenko to the formation of the modern language episteme. The new objects for linguistic research are offered.

**Key words:** theory of language, a language model, the analysis of language, epistemology.

## **ЖИВОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ МЁРТВОЙ БУКВЫ: ЯЗЫК В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА<sup>1</sup>**

**Н.Ф. Алефиренко**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет  
Alefirenko@bsu.edu.ru

Задача статьи – создать современный парадигмальный абрис (контурные очертания) живого слова. Пословица «*Живое слово дорожке мёртвой буквы*» была одной из самых любимых у В.И. Даля. Она указана в его книге «Пословицы русского народа» (1853 г.) в разделе «Язык – Речь». Мудрый народ вложил в неё глубокий смысл: живой

---

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках реализации госзадания БелГУ № 241 на 2016 год.

пристрастной и заинтересованной речью можно передать намного больше, чем равнодушно написанным текстом. Сингармония мысли, чувств и слова превращает художественный текст из мертвой буквы в живую речь, способную воздействовать на мысли, чувства и поведение людей. Объясняется это антропоцентрической архитектуроникой живого слова, а) выстраиваемой личностным отношением автора к нарративизации дискурсивного события и б) воплощаемой в эстетике слова. Живое слово – естественный индикатор глубины мысли автора, средство выражения осознанного им переживаемого события – лично или общественно значимого факта. Живое слово свидетельствует о лучезарной душе человека: через слово излучается его духовная энергия, истощение которой превращает слово в мертвую букву. Тонкий знаток слова, М.М. Пришвин писал: «В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда погасает. Тогда сила этого нового слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени. Бывает, погасшая звезда на земле горит еще тысячи лет. Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во Вселенной» (Пришвин 1979).

Столь мощный заряд живого слова не мог не пробить искусно выстроенную Ф. де Соссюром оборону структуральной лингвистики. Её оплотом стал тезис швейцарского лингвиста о неразрывности связи означающего и означаемого. Именно он был подхвачен и превращен структуралистами в известную всем незыблемую догму.

Однако не все обращают внимание на то, что позже Ф. де Соссюр, в частности в своих «Анаграммах», произвольность означающего стал трактовать несколько расширенно. «Анаграмму» (и шире – поэтическую речь, – Н.А.), подчёркивал Соссюр, не следует определять не как преднамеренную путаницу, лишённую полноты смысла, а как **неопределяемую множественность, радикальную неразрешимость, разрушающую все коды»** (Соссюр 1977: 535). Обратили внимание на столь нехарактерные для Соссюра мысли только постструктуралисты и с этого времени стали искать код, который был бы ответственен за порождение живого, поэтического, смысла.

Такой подход к интерпретации соссюровских идей свидетельствует уже скорее о собственно постмодернистском понимании живого слова. Теоретики постструктурализма пытались объяснить **специфический характер анаграмматической коннотации**, нарушающей естественный ход обозначения и, что самое главное, ставящей под сомнение нерасторжимость связи означающего с означаемым. В этом смысле Ж. Лакан является предшественником постструктурализма: (1) он вскрыл в теории Соссюра о произвольности знака мысли, ведущие к отрыву означающего от означаемого; (2) пересмотрел традиционную теорию фрейдизма с позиций лингвистики и семиотики, отождествив бессознательное со структурой языка. «Бессознательное, – утверждал Ж. Лакан, – является целостной структурой языка», а «работа сновидений следует законам означающего» (Lacan 1977: 147, 161).

В тесте-сновидении Ж. Лакан вслед за Фрейдом выделяет два основных процесса: конденсацию и замещение. При этом он пытается перевести фрейдовские толкования в лингвистический план. Если у Фрейда **к о н д е н с а ц и я** понимается как совмещение в одном образе, слове, мысли, симптоме или акте *несколько бессознательных желаний или объектов*, то Ж. Лакан сущность **к о н д е н с а ц и и** видит *в наложении одних означающих на другие*, образующем механизм **м е т а ф о р и з а ц и и**. З а м е щ е н и е, по Фрейд, **сдвиг ментальной энергии с одного явления в мозгу на другое**, у Ж. Лакана ассоциируется с **м е т о н и м и е й**.

(Конденсация → **метафоризация**, замещение  
→ **метонимизация**)

Позже в работах Кристевой и Ж. Дерриды понятия *конденсации* и *замещения* станут **б а з о в ы м и** категориями в постструктуралистской теории образного слова. Данная теория опирается на идею Ж. Лакана о *независимости означающего от означаемого*, позволившей ввести понятие «скользящего», или «плавающего означающего».

Рассматривая мир исключительно через призму сознания, как феномен письменной культуры, постструктуралисты уподобляют самосознание личности некой сумме текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Поскольку, как не устают повторять основной теоретик постструктурализма Ж. Деррида, «ничего не существует вне текста» (Derrida 1976). Весь мир, в конечном счете, воспринимается Ж. Дерридой как бесконечный, безграничный текст, или как «космическая библиотека» (Винсент Лейч), или, по словам Умберто Эко, как «словарь», «энциклопедия».

Специфика новейшей, постмодернистской трактовки языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его **нарративизации**, т. е. в *способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста*. В такой интерпретации языковое сознание, словно неприступный склеп словесной повествовательности, напоминает гробницу пророка Мухаммеда, вынужденного вечно парить без точки опоры в тесных пределах своего узилища без права переписки с внешним миром.

Теоретическое обоснование **текстуализации сознания** своеобразно осуществил – предшественник Ж. Дерриды – Жак Лакан, выдвинувший идею *текстуализации бессознательного*, которое традиционно связывалось прежде всего со сновидением, более того, **с о н** в его понимании, уже есть *текст*. В этом плане Ж. Лакан был заинтересованным почитателем Фрейда.

Поскольку теоретические представления Ж. Лакана сложились в 30-50-е годы и несли на себе заметный отпечаток допостструктуралистских научных установок, он становится объектом критических

нападок Ж. Дерриды, выступавшего с позиций более последовательного постструктурализма.

В постструктурализме учение Ж. Лакана воспринималось не целиком, а в виде отдельных идей, приобретающих под лучами новой парадигмы безусловную оригинальность. Однако важно не забывать, что критика Ж. Дерриды не носила характера категорического отрицания. Скорее её можно назвать развитием и переосмыслением отдельных его идей.

Особую роль в этом сыграл тот фактор, что Ж. Лакан сочетал до сих пор нерасторжимым союзом психоанализ и лингвистику, создав тот лингвоориентированный вариант неофрейдизма, который и поныне властвует над умами западных гуманитариев. При всех взлётах и падениях интереса к Ж. Лакану сформулированная им проблематика динамического взаимодействия «воображаемого» и «символического» по-прежнему привлекает к себе внимание теоретиков литературы и искусства. Но основной вклад Ж. Лакана в создание общей теории постструктурализма – это его переосмысление сосюрровской концепции знака.

В нашей концепции живого слова лакановская теория знака органично вписывается в учение о языковой личности. «Органично» потому, что саму личность Ж. Лакан понимал как знаковое, языковое сознание, а структуру знака рассматривал с точки зрения психологической ориентации индивида, с точки зрения сложной диалектики взаимоотношения «потребности» и «желания».

Специфика лакановского понимания языкового сознания состоит в том, что она вытекает из его представления о структуре человеческой психики как сфере сложного и противоречивого взаимодействия трех составляющих: Воображаемого, Символического и Реального.

**Воображаемое** – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и воплощает в живом слове. **Символическое** – сфера передаваемых в лексической семантике социальных и культурных норм и представлений, которые человек усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном этнокультурном сообществе. **Реальное** – та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые нашему языковому сознанию в осмысленном виде не даны. Определения, может быть и не бесспорные, однако для нас важно не столько выяснения истинности концепции Ж. Лакана, сколько постструктуралистское понимание социолингвистической детерминированности трёх составляющих языкового сознания механизмами которого, собственно, и порождается живое слово.

Понятие «живого» слова входит в разрабатываемую нами когнитивно-семиологическую теорию знака (Алефиренко 2006: 102) как коррелята «живому» понятию, введённого в науку Г.Г. Шпетом. Он не отрицал значимости понятия в речемыслительной деятельности. Однако он ратовал за так называемые живые понятия и возражал тем,

кто полагал, что образные описания могут заменить понятийные операции. Он пишет: «воображают, что образная фигуральная речь «богаче» логической. Разумеется, образов в ней больше, но ведь нам гораздо важнее значение, *смысл*, «а чтобы его извлечь нужно «перевести» образы в понятия» (Шпет 1994: 305). Сама постановка проблемы «живого» слова предполагает разработку методологических принципов данной теории, определение её категорий и поиск метода. Согласно нашей гипотезе, такой подход позволяет вскрыть синергетические истоки сопряженного кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления в процессе речевой деятельности человека. Этой цели подчинён поиск дискурсивных истоков «живого» слова; разгадка его дискурсивной синергетики и дискурсивно-смыслового пространства.

Методологической основой нашей концепции служат принципы изучения слова, разработанные философом М.М. Бахтиным, психологом Г.Г. Шпетом, лингвистами А.А. Уфимцевой, Н.А. Слюсаревой, учёными пражской функциональной лингвистики. Благодаря деятельности Г.Г. Шпета, А.Н. Леонтьева и др. были открыты и структурно представлены основные грани «живого» слова: *внутренняя форма* слова (Г.Г. Шпет), *действие* (Н.А. Бернштейн), *образ* (Н.Н. Волков и А.В. Запорожец). Эти формы, несомненно, обладая качествами предметности, не редуцируемы к внешней, предметной, материальной и т.п. деятельности, имеют не одинаковое с ней, а свое собственное устройство. Исходя из бахтинской идеи, «*живое*» слово в устах человека превращает говорящего в заинтересованного и более того переживающего субъекта познания. Ведь живое слово не только называет предмет, но и выражает оценочное отношение говорящего к предмету мысли, видит в нем желательное и нежелательное. Это приводит живое слово в движение, вектор которого определяется внутренним программированием высказывания, делает моментом *живой* переживаемой событийности. Вот почему обозначаемый словом предмет переживания выступает в разных ипостасях – потребности, мотива, ценности, смысла, цели, задачи.

Не случайно, по данным современной психологии (Ф.Е. Василюк), *переживания* входят и в определение предмета, и в определение события, тем самым делая их живыми. Живое слово неповторимо, поскольку, по мнению А.А. Потебни, «всякое новое применение слова... есть созидание слова» (Потебня 1999: 223). Происходит это благодаря процессам интериоризации. Именно интериоризация оживляет слово. Действительно, слово оживает тогда, когда оживает в нашем сознании обозначаемый им предмет. Лингвисты, психологи и поэты, даже не будучи знакомы, одинаково воспринимают и интерпретируют живое слово. Так, ещё В. Гумбольдт писал, что «язык ни при каких условиях нельзя изучать как мертвое растение. «Язык и жизнь суть нераздельные понятия и процесс обучения в этой области всегда сводится к процессу воспроизведения» (Гумбольдт 1984: 112). Для вос-

приятия «живого» слова ведущую роль играют контекст, текст и дискурс. Именно контекст завязывает узел движений, превращая движения в действия, действия – в компоненты события.

**Контекст: движение → действие → событие.**

В этом глубокий дискурсивный (событийный) смысл «живого» слова. За «живым» словом стоит мир действия, мир поступка, мир события.

Интерес к изобразительно-выразительным возможностям родного слова в российском языковедении традиционен. Однако несмотря на устойчивый интерес русистов к проблемам образного слова лингвистическая поэтика как отрасль лингвистического знания требует методологического и методического обоснования, которое бы вывело ее из состояния описательно-иллюстративной дисциплины в перспективную отрасль когнитивно-функциональной семиологии. В настоящее время одни исследователи сосредотачивают свои усилия на анализе контекстуальных условий реализации лексикой своих изобразительных свойств, другие – констатируют, что осуществление такого рода анализа пока неэффективно, поскольку отсутствует такой лингвистический подход, который бы опирался одновременно на когнитивные механизмы речи-мышления и механизмы преобразования системно-консервативного языкового знака в «живое слово».

Само понятие «живое слово» стоит в одном ряду с такими понятиями, как **живое движение речи-мысли** и **живое знание**, пришедшие в нашу науку с выходом в свет в Берлине в 1923 году книги С.Л. Франка «Живое знание» (Франк 1995). Живое знание объективируется в живом слове, поскольку в нём слиты значения и укорененный в языковом сознании личностный, аффектно окрашенный смысл. Если, согласно Г.Г. Шпету, слово – это архетип культуры, то понимаемое **живое слово – это одновременно генотип и фенотип живого знания**. Живое слово требует к себе особого подхода, разработки специального исследовательского метода.

Одним из таких методов может быть предлагаемый нами метод семасиологической комбинаторики. Его назначение – определить (а) синергетические истоки сопряженного кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления; (б) выявить дискурсивные истоки «живого» слова; (в) раскрыть сущность дискурсивной синергетики «живого» слова и его дискурсивные смыслы. Параллельно с этим раскрываются особенности дискурсивной стилистики «живого» слова, устанавливается взаимоотношение «живого» слова и речевых жанров.

Каковы же механизмы превращения обычного слова в «живое»? Психологи доказывают, что происходит столь сложная метаморфоза благодаря процессам интериоризации. Действительно, слово оживает тогда, когда оживает в нашем сознании обозначаемый им предмет.

Глубинный дискурсивный (событийный) смысл «живого» слова обуславливается тем, что за ним стоит *мир действия, мир поступка, мир события*. Именно они определяют семиологическую сущность

«живого» слова. Это обязывает нас установить рамки семиологического подхода к слову, поскольку российские и зарубежные исследователи видят его в разной проекции.

Для зарубежной лингвистики характерно предельно широкое понимание семиологии. Наиболее ярко его олицетворяет Ролан Барт. В его представлении семиология является семиотропией (Барт 1989). С позиций когнитивной семиологии, слово – речевой знак, который всегда дан человеку непосредственно. Он бросается в глаза, словно вспышка воображаемого. Именно по этой причине семиология, в понимании Р. Барта, не есть герменевтика: она не столько раскапывает смыслы, сколько зарисовывает реальность. В российской лингвистической традиции семиология соотносится с разными знаковыми системами.

В связи с этим отметим, что термин *семиология* в нашем понимании не синонимичен термину *семиотика*. Мы используем его для обозначения того пространства, той среды, в котором слово становится «живым», актуальным в поэтическом (образном, метафорическом) мышлении. Семиологический принцип предполагает не только тесную связь языка с мышлением, но и его сложные когнитивные отношения с действительностью (объективной и субъективной). При этом соотношение содержания и формы выражения интерпретируется А.А. Уфимцевой как процесс первичного и вторичного знакообразования, в результате осмысления которых создаются языковые единицы в системе языка и в речи (Уфимцева 2002), находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии.

Новым в когнитивно-семиологической парадигме слова является введение понятия «виртуальных» и «актуальных» знаков лингвокреативного мышления. Актуализация первых обусловливается лингвокогнитивной спецификой поэтического восприятия мира, объективируемого многоуровневыми механизмами взаимодействия системы языка и системы мышления. Общую стратегию взаимодействия первой и второй фазы речемыслительного процесса в свое время наметил А.А. Уфимцева. Прогрессивным в таком понимании лингвокогнитивной деятельности является выявление и описание промежуточного звена – той обширной языковой сферы между виртуальными словесными знаками и их абсолютной семантической актуализацией в конкретных актах поэтической речи. Эту промежуточную языковую сферу составляют свободные сочетания слов, словосочетания и фразы прямой, переносной и косвенной номинации в единстве их лексической и грамматической семантики. Вне такого подхода невозможно становление когнитивно-функциональной семиологии, укрепление её теоретических позиций и практическое применение для развития научного потенциала высшей школы.

Перспективой исследования является раскрытие особенностей дискурсивной стилистики «живого» слова, установление взаимоотношения «живого» слова и соответствующего ему речевого жанра.

## Литература

Алефиренко, Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта, Наука, 2009. 344с.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета. 2006. 50 / 1 (45). С. 102-110.

Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Пришвин, М.М. Избранная проза: Рассказы. Повести. Отрывки из романов. Не забудки. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное, 1979. 528 с.

Соссюр, Ф. Анаграммы // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Переводы с франц. яз. по ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. С. 535-649.

Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под. ред. Ю.С. Степанова, изд. 2. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

Франк, С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. 656 с.

Шпет, Г.Г. Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. 376 с.

Derrida, J. *Randgange der Philosophie*. – Frankfurt a. M.; Berlin; Wien: Ullstein, 1976. S. 88.

Lacan, J. *Ecrits: A selection*. – London : Tavistock, 1977. – XIV. 338 с.

**Summary.** The article is aimed to create a modern paradigm contour of the living word. It is the sinharmony of thoughts, feelings, and words that converts literary text from the dead letters into a living speech. Specificity of interpretation of linguistic consciousness is its textualization and narrativization, as well as its consideration as the unity of the imaginary, the symbolic and the real. Context, text and discourse play the leading role in the perception of the living word. Deep discursive (eventive) meaning of the living word stems from the fact that it reveals the world of actions, the world of events.

**Key words:** living word, living knowledge, cognitive-semiological paradigm, methodology, discourse, linguistic consciousness, post-structuralism.

## КОНТИНУАЛЬНОСТЬ СЕМАНТИКИ «ЖИВОГО» СЛОВА

*Л.А. Лебедева*

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет  
leb48@mail.ru

*«Живое» слово принципиально неисчерпаемо.*

Н.Ф. Алефиренко

Когнитивно-дискурсивный подход к языку обусловил принципиально новый взгляд на основную единицу языка – слово, позволивший создать теорию «живого» слова. Эта теория получила первоначальное обоснование в работах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина и окончательно оформилась в работах Н.Ф. Алефиренко, в которых слово рассматривается в его дискурсивном пространстве, во взаимодействии языка, познания и культуры (Алефиренко 2002; 2009).

«Живое» слово определяется лингвистами как слово, обладающее порождающими способностями, т.е. способное формировать новое смысловое содержание, «отражать помыслы, намерения и мотивы